

ШАРЛЬ ПЕРРО

СИНЯЯ БОРОДА

Недетские сказки

ПАЛЬМИРА
РУГРАМ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 6

УДК 821.133.1+82-821
ББК 84(4Фра)
П27

Текст «От автора», посвящение и сказки в прозе переведены с французского А. Федоровым, «Гризельда» переведена С. Бобровым, «Ослиная Кожа», «Потешные желания» и все стихи сборника приводятся по изданию: Перро Ш. Сказки. М.; Л.: Academia, 1936

Послесловие и комментарии Г. Соловьевой

Перро, Ш.

П27 Синяя Борода : Недетские сказки / Шарль Перро ; [пер. с франц. С. Боброва, А. Федорова; послесл., коммент. Г. Соловьевой]. — М. ; СПб. : «Руграм» / «Пальмира», 2026. — 236 с. — (Серия «Пальмира — готика»).

ISBN 978-5-524-02208-0

Настоящий сборник, который традиционно издают под именем французского писателя и поэта Шарля Перро, составляют восемь сказок в прозе, вероятно, написанных его сыном Пьером Перро д'Арманкур (его имя значится во всех прижизненных изданиях сказок), отобранных и отредактированных Перро-старшим, а также три сказки в стихах — «Гризельда», «Ослиная Кожа» и «Потешные желания», авторство которых бесспорно принадлежит самому Шарлю Перро. Читатель познакомится со сказками без купюр, как они были задуманы. Они жестоки: в них — кровь, слезы, голод, каннибализм... Недаром к анализу сборника не одно столетие обращаются не только литературоведы, фольклористы, лингвисты и этнографы, но и психоаналитики.

**УДК 821.133.1+82-821
ББК 84(4Фра)**

- © Бобров С. П., наследники, перевод на русский язык, 2026
- © Федоров А. В., наследники, перевод на русский язык, 2026
- © Соловьева Г. А., послесловие, комментарии, 2016
- © Оформление.
ООО «Руграм»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2026

ISBN 978-5-524-02208-0

От автора

Прием, который публика оказывала сочинениям, составившим это собрание, по мере того, как она получала их по отдельности, служит некоторым ручательством, что они не произведут на нее невыгодного впечатления, когда появятся все вместе. Нашлись, правда, люди, которые напускают на себя важность и обладают достаточной проницательностью, чтобы усмотреть в них только сказки, написанные ради забавы и посвященные предметам не слишком значительным, и они отнеслись к ним с презрением; но, к нашему удовлетворению, оказалось, что люди, наделенные хорошим вкусом, судят о них иначе.

Они-то с удовольствием отметили, что эти безделки не вовсе безделки, а заключают в себе полезную мораль и что игривый склад повествования был выбран только затем, чтобы они действовали на ум читателя с большей приятностью, вместе и поучая, и развлекая. Этого должно было бы быть довольно для меня, чтобы не опасаться упрека, будто я искал легкомысленной забавы. Но коль скоро я имею дело с людьми, которые примут не всякий довод и которых сможет убедить только пример и авторитет древних, то я успокою их и на этот счет.

Милетские предания, столь знаменитые у греков и восхищавшие собой Афины и Рим, были не иного свойства, чем рассказы, вошедшие в это собрание. История о Матроне Эфесской такова же в своем существе, как и история о Гризельде; и та и другая — это новеллы, то есть рассказы о событиях, которые могли бы случиться, и они не содержат в себе решительно ничего, противоречащего правдоподобию. История про Психею, написанная Лукианом и Апулеем, чистейший вымысел, нянюшкина сказка — вроде истории про Ослиную Кожу. Недаром, как мы видим, и у Апулея старуха рассказывает ее похищенной разбойниками молодой девушке, подобно тому, как «Ослиную Кожу» каждый день рассказывают детям их воспитательницы и бабушки. История земледельца, получившего от Юпитера в дар способность вызывать по своему усмотрению дождь и солнечную погоду и воспользовавшегося ею так, что ему привелось собрать лишь солому и ни единого зерна, ибо он ни разу не пожелал ни ветра, ни холода, ни снега и ничего на них похожего, что, однако, необходимо для произрастания злаков, — эта история, говорю я, того же рода, что сказка про смешные желания, хотя первая серьезна, а вторая забавна; смысл же обеих в том, что люди не знают, чего им надо и что для них — большее счастье идти по пути, указанному Провидением, нежели получать всякие блага по своему желанию.

Имея столь прекрасные образцы в премудром и преученом мире древности, я и не опасаясь, что кто-либо вправе обратиться ко мне какой бы то ни

было упрек. Как я готов утверждать, истории мои даже более заслуживают того, чтобы их пересказывали, чем бóльшая часть древних преданий, и в особенности предания о Матроне Эфесской и о Психее, если посмотреть на них со стороны морали — вещи главной во всякого рода историях, ради которой они и должны бы сочиняться. Вся мораль, которую можно вывести из истории о Матроне Эфесской, состоит в том, что часто женщины, кажущиеся самыми добродетельными, менее всего ими являются и что тем самым почти нет среди них таких, которые и на самом деле были бы добродетельны.

Кому же не ясно, что эта мораль весьма дурна и что она только развращает женщин, подавая дурной пример и внушая, будто они, изменяя своему долгу, только идут общим для всех путем? Не такова мораль «Гризельды», побуждающая жен все терпеть от своих мужей и показывающая, что не отыщется среди них ни одного столь грубого и сумасбродного, которого не в силах было бы победить терпение порядочной женщины.

Что до истории о Психее, истории, которая сама по себе весьма привлекательна и придумана весьма искусно, то скрытую в ней мораль, если бы я только знал ее, я сравнил бы с моралью «Ослиной Кожи», но я до сих пор так и не мог разгадать ее. Да, мне известно, что Психея означает душу, но я не знаю, как понимать Амура, влюбленного в Психею, то есть в душу, и мне еще менее понятно, когда к тому же прибавляют, что счастье Психеи должно было длиться, пока она не узнает того, кого любит, а это был Амур, и что, напротив, она

сделается очень несчастной, как только его узнает; для меня это неразрешимая загадка. Можно лишь сказать, что это предание, как и бóльшая часть других, унаследованных нами от древних, сочинено было только ради развлечения и с полным пренебрежением к добрым нравам.

Иначе обстоит дело со сказками, которые наши предки придумывали для своих детей. Рассказывая их, они обходились без той грации и того изящества, которые греки и римляне придавали своим историям, но они постоянно проявляли великую заботу о том, чтобы вложить в свои сказки мораль похвальную и поучительную. Добродетель в них всегда вознаграждается, а порок наказывается. Все они проникнуты стремлением показать те блага, которые приобретаешь, будучи честным, терпеливым, разумным, трудолюбивым, послушным, и тот вред, который приносит отсутствие этих качеств.

То нам встретятся в них волшебницы, которые девушку, учтиво ответившую им, наделяют таким даром, что при каждом слове из уст у нее падает алмаз или жемчужина, а другую, ответившую им грубо, — таким, что при каждом слове изо рта у нее выскакивает лягушка или жаба. Или мы увидим там детей, которые за то, что слушались родителей, сделались знатными господами, или же, напротив, таких, которых за их порочность и непокорность постигают ужаснейшие несчастья.

Как бы незначительны и как бы причудливы ни были приключения во всех этих историях, нет сомнения, они вызывают в детях желание походить

на тех, кого они видят в них счастливыми, и страх перед теми несчастиями, в которые за свою злобу повергаются злодеи. Не достойны ли похвалы родители, которые своим детям, еще не способным воспринимать истины существенные и ничем не приукрашенные, уж внушают к ним любовь и дают, так сказать, отведасть их, облекая в форму рассказов занимательных и приспособленных к их слабому младенческому разумению? Просто невероятно, с какою жадностью эти невинные души, природную чистоту которых ничто еще не успело осквернить, вкушают эти скромные поучения; мы видим, как они печальны и подавлены, пока герой или героиня находятся в беде, и какими возгласами радости они встречают ту минуту, когда герои вновь обретают счастье; точно так же они с трудом сдерживаются, пока злодей или злодейка пребывают в полном благополучии, и приходят в восторг, когда узнают наконец, что те наказаны, как того заслуживали. Все это — бросаемые в почву семена, которые сперва порождают лишь порывы радости или приступы печали, но впоследствии непременно вызывают к жизни добрые наклонности.

Я мог бы придать моим сказкам бóльшую приятность, если бы позволил себе иные вольности, которыми их обычно оживляют; но желание понравиться читателям никогда не соблазняло меня настолько, чтобы я решился нарушить закон, который сам себе поставил, — не писать ничего, что оскорбляло бы целомудрие или благопристойность.

А вот мадригал, который сочинила на сей счет
одна весьма умная девица, приписавшая его в кон-
це «Ослиной Кожи», когда я послал ей эту сказку.

Здесь об Ослиной Коже дан рассказ простой
С такой наивной чистотой,
Что он во мне восторг невинный
Зажег, как в дни, когда, бывало, у камина
Мой детский ум пленяла няня сказкой той.
Черты сатиры нам она являет,
Но желчи нет следа и злобы никакой.
И всем отраду сказка доставляет.
Но потому еще люблю ее читать,
Что нас она смеяться заставляет,
А между тем ее и мать,
И духовник наш одобряет.

Шарль Перро